

Памяти
Лейбница, Декарта и Коменского, предрекших
создание искусственного языка,
Вольтера, Монтескье и Конвильяка, указавших
пути его осуществления,
Эрнеста Ренана и Макса Мюллера, поддержавших
веру в его достижение,
гражданина *Делормеля*, юноши *Алтера* и многих
других, известных и неизвестных, отдавших частицу
себя на служение идее революции языка—
посвящается этот очерк.

Э. Дрезех.

35.61.6.192

О Ч Е Р К

ИСТОРИИ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА.

Часть I.

(период до 1880 г. и развала Воляпюка).

20/10
19

МОСКВА.

Тиражирова Клуба имени Я. М. Свердлова при В. Ц. И. К. Советов, в Кремле.
1922 г.

Памяти
Лейбница, Декарта и Коменского, предрекивших
создание искусственного языка,
Вольтера, Монтескье и Кондильяка, указавших
пути его осуществления,
Эрнеста Ренана и Макса Мюллера, поддержавших
веру в его достижение,
гражданина *Делормеля*, юноши *Аинера* и многих
других, известных и неизвестных, отдавших частицу
себя на служение идее революции языка—
посвящается этот очерк.

О Ч Е Р К истории идеи *Международного Языка*.

Часть I
(период до 1880 г. и развала *Волапюка*).

I. В В Е Д Е Н И Е.

Тогда человечеству возвратится
очищенный язык.

Софония.

Идея общего всем языка не так нова, как это кажется с первого взгляда. Она — одна из самых ранних идей, занимавших историческое человечество. И это вполне естественно: при сношениях с другими народами люди часто встречали непреодолимую преграду в лице разноязычия. Даже первобытному человеку и тому представлялись ясными выгоды существования общего языка, языка, который — бы все употребляли и все понимали.

Не понимая каким образом произошло то, что одинаковые по виду члены человеческой семьи, говорят на разных языках, мешающих их взаимопониманию, первобытный человек мог объяснить это лишь, как наказание ниспосланное божеством на людей.

Но какое преступление могло вызвать столь жестокое наказание всего человечества?

Эта мысль у древних, может быть, еще доисторических народов, вылилась в прекрасное сказание о Вавилонской Башне и смещении языков. Библия рассказывает, что люди, обладая общим языком, чувствуя поэтому себя сильными, возмечтали достигнуть неба; а бог, решив не только нака-

зять их, но и лишить их могущества, произвел смешение языков. И люди, не понимая друг—друга, не были в состоянии осуществить свой грандиозный замысел. То, за что можно было приняться общими усилиями, уже немыслимо было осуществить действуя врозь.

В дни расцвета Иудеи один из малых пророков Ветхого Завета—Софония в VII веке до Р. Х. провозглашал возвращение единого языка человечеству. Во II веке нашей эры ученый римский философ и врач Гален в своих трудах приходил к выводу о необходимости и возможности существования всемирного языка. Он даже допускал мысль о возможной его искусственности. Но этими смутными стремлениями к всеобщему языку человечество ограничивалось в течение долгого ряда веков. Сознавая его желательность, оно еще не чувствовало его необходимости. Правда, частичную роль всемирных языков играли временами языки больших культурных наций; такими языками в разные эпохи и для разных местностей были санскритский, еврейский и впоследствии греческий. Римские легионеры во время безконечных победоносных войн республики, а затем империи повсюду распространяли простонародный римский говор. Высшие классы покоренных народов тоже скоро усвоили язык победителей. Затем последовало нашествие готов и других германских племен, началось новое столпотворение. Языки сливались, изменялись и в средние века латынь стала достоянием только высших образованнейших классов. Да и то, какая латынь. Разве ее можно сравнить с языком Виргилия, Овидия и Тацита? В XVII столетии мертвый латинский язык уже оказывается несоответствующим запросам европейской цивилизации. Даже варваризмы, вводимые в этот язык первоклассными учеными, не могли спасти его. Всемирным языком, по крайней мере для дипломатов и высшего света, становится французский.

Все эти, достигшие в свое время временного преуспевания, национальные языки, претендовали на звание „всемирного“, и все, они в свою очередь, вытеснялись языками других народов, преуспевающих на почве прогресса или завоеваний. Вечное соревнование между народами мешало и впредь неизбежно помешает, превратиться какому-нибудь национальному языку во всеобщий и всемирный. И это по-

нятно: ведь признание всемирным—языка, какогонибудь народа доставило—бы этому народу и его гражданам неоценимые преимущества, в то время как другие народы остались—бы не при чем.

Кроме того, и сама идея какого-то единого всемирного языка эфемерна, утопична. Необходимо считаться с общими бытовыми условиями, национальным самосознанием, с национальной гордостью народов, которые помешают, по крайней мере при данных обстоятельствах, исчезнуть национальным языкам. Поэтому, общим языком может быть только вспомогательный, второй для каждого. Но для первых прозелитов и пионеров великой идеи все это было еще в каком-то тумане. Они то и дело смешивали всемирный язык с вспомогательным. Это было крупной, неизбежной для того времени, ошибкой.

Наряду со смутными, совершенно неоформленными мечтаниями—железный закон исторической необходимости изыскивал свои пути частичного разрешения вопроса о всеобщем языке там, где это было уже необходимостью. В седой Индии брамин Панини, в VI веке нашей эры, в целях объединения и отождествления многочисленных выродившихся наречий и диалектов древне-арийского языка, вырабатывает стройную грамматику и единый письменный язык. В течение десятков и сотен лет на этот полуйскусственный язык переводится все, что имеется ценное в литературе Индии. Этот язык делается достоянием всей просвещенной Индии. И даже ныне, благодаря гибкости системы Панини, благодаря гениальности изобретателя, язык этот не исчез и каждый день проявляет себя в десятках вновь издаваемых книг и газет.

Кирилл и Мефодий, апостолы славян, в VIII веке, сделали то-же. Их письменность и грамматические основоположения славянского языка по существу создали общеславянский говор, существующий в восточной церкви еще до сих пор.

Немецкий средневековый святой Гильдегардис (род. в 1098 г.) разрабатывает тоже свою систему универсального письменного и разговорного языка, напоминающую по своей структуре, судя по дошедшим до нас отрывкам позднейшие смешанные проекты XIX столетия.

Арабский шейх Мухи-эд-Дин в XI веке Геджры по преданию вырабатывает всеобщий язык „Балайбалав“. К сожалению детали этой системы до меня не дошли.

А попозже, в XVI веке, после завоевания испанцами Южной Америки для облегчения связи между разрозненными и непонимающими друг друга бразильскими индейскими племенами и самими испанцами—ученые иезуиты создали целую систему языка с грамматикой, словарями и учебниками. „Лингва Гераль бразилика“, окончательно выработанный иезуитами Иосифом д'Анкиедо и Мануэлем де-Вега,—великолепное практическое разрешение вопроса о полу-искусственном вспомогательном языке, в масштабе целой полу-части света. И, хотя и не в размерах подобных этим, впоследствии тоже при тесном соприкосновении двух, или нескольких народов, жизнь вырабатывала некоторые компромиссные жаргоны. К ним должно отнести средневековый жаргон Медитеранеи „Лингво Франца“ (смесь франц., итальян., греч., турецк., араб.) и современные: южно-китайский, чиноок, пиджин-инглиш и тот русско-китайский язык, который известен всем, побывавшим на дальнем востоке, и который, не смотря на кажущуюся абсурдность утверждения, обладает своими грамматическими правилами и даже исключениями, одним словом, всем тем, чем полагается обладать по мнению ученых—зачаточному языку. Дальнейшая шлифовка и выработка подобных языков продолжается и по сие время.

Созданные специфическими потребностями, воровские жаргоны „Арго“ ведущие свое существование из глубины веков, и уподобляющиеся устному шифрованному языку, в эту категорию смешанных вспомогательных языков отнесены быть не могут.

Таким образом, частичное практическое разрешение вопроса о вспомогательном языке уже делалось явлением довольно заурядным и на очереди дня стояла практическая постановка вопроса о, до того времени утопических, мечтаниях всемирного всеобщего языка.

Грандиозные завоевания человеческой культуры не замедлили поставить этот вопрос на рассвете истории новых веков.

II. Первые попытки и проекты до XVIII века.

Искусственный язык возможен и можно установить науку от которой он зависит. С помощью его крестьянин сможет легче судить о сущности вещей, чем ныне судят философы.

Р. Декарт. 1629 г.

Серьезнее задумываться над вопросом всеобщего языка стали лишь в XVII столетии, именно в эпоху господства средневековой латыни.

Ряд крупных и блестящих мыслителей той эпохи, положившей начало эмпирическим и практическим наукам последующего времени, интересовались вопросом о всеобщем языке; в силу ряда оснований, признавали возможность его искусственного создания и даже разрабатывали основоположения такого искусственного языка.

Декарт в письме от 20|XI—1629 г. аббату Мерсенне, в ответ на затронутый вопрос о всеобщем искусственном языке, подтверждает мыслимую им возможность создания такого языка и набрасывает даже его общую схему.

Всеобщий язык в представлении Декарта—это нечто вроде логического ключа человеческих понятий. Эта философская система „априори“, ничем не связанная с существующими языками и с их конструкцией. Системы этого типа изобретались их авторами вообще полностью, причем главная цель заключалась в попытке создать логически обединенную систему звуков и в розыске „азбуки человеческой мысли“, по выражению Лейбница. Все эти попытки основаны на предположении совершенно ошибочном, что общее количество человеческих основных понятий можно свести к сравнительно незначительному числу.

Вследствии большой его популярности, выдающегося философа Лейбница иногда считают официальным отцом „идеи всемирного языка“. Впервые свои идеи он выразил в 1666 г. на латинском языке в диссертации об искусстве сочетания: „Пазиграфия, или искусство сноситься посредством письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на каких-бы то не было языках, если только они знают эти общие знаки“. Мысль об общих знаках, вроде древне-египетских

иероглифов, или китайских письмен, занимала великого мыслителя до его смерти; но, почти непреодолимые трудности при изучении подобных систем всеобщего письма, состоящих в общем из 40.000 знаков, вдобавок лишаящих пользующегося ими живой речи, смущало Лейбница и он, кроме бесплодных начинаний при составлении своего „Рационального арифметического языка“ после себя ничего не оставил.

Величайший чешский ученый, философ и педагог, Ян Амос Коменский в середине того-же XVII века, предсказывает время, когда человечество будет пользоваться благами всеобщего вспомогательного языка, несравненно более легкого и доступного, чем наши естественные языки. Коменский в этом вопросе целиком поддерживает основоположения Декарта.

Их современник Паскаль отзывался об идее всеобщего языка весьма сочувственно.

Кроме этих крупнейших имен, в истории идеи всеобщего языка того времени встречается целый ряд имен, более мелкой и средней величины. Ныне, однако, почти невозможно установить первого по времени, опубликовавшего свои взгляды и проекты по вопросу о всеобщем языке.

Епископ Вилькинс, в одной из своих книг (1641 г.) упоминает какого-то „покойного английского епископа“, который еще в XVI столетии выработал проект всеобщего музыкального языка, основанного на звуковых сочетаниях и комбинациях нот.

Что это за епископ и что это за проект, ныне уже неизвестно.

Лейбниц ссылается в своем труде на какую-то листовку анонимного автора, на латинском языке, которую ему прислали из Нидерландов и которая выставляла основные принципы возможного искусственного всеобщего языка.

Эта листовка тоже не дошла до нас, но судя по заявлению Лейбница, уже в то время эта листовка служила пропаганде и агитации в пользу всеобщего языка.

Некоторые данные все-таки заставляют предполагать, что автор листовки — Герман Гуго, опубликовавший в 1617 году первую по времени нам известную книгу, посвященную вопросу о всеобщем языке.

Все первые попытки практического разрешения вопроса исходили из Англии.

В 1653 г. Томас Урхард, в Лондоне, издает на английском языке уже набросанные основоположения философского языка „Логопандектейкон“. В 1657 г., тоже в Лондоне, Бек издает на английском же языке две книги, посвященные системе универсального письма—или проще говоря, пазиграфии.

Чтобы дать кстати понятие о системах, созданных философским путем, априори, приведем примеры из следующего по очереди и первого вполне законченного проекта звукового языка, опубликованного в 1661 году, на английском языке в Лондоне-же, ученым Г. Дальгарно. Нека, Неке, Неки, Неко означают по этой системе последовательно слова; лошадь, осла, мула и т. д. Н означает, по „азбуке человеческой понятий“ Дальгарно: — живое существо, Е — животное, К—четвероногое, а последняя буква уже является особенностью названия каждого животного. Не правда-ли—довольно мудроно запомнить этот ряд слов, тем более, что это противоречит тому основному свойству человеческой памяти, что чем более слова схожи по смыслу, тем более должны разниться по форме. Посмотрим еще, как состряпано слово „Ваг“—да в значительно более новом „универсальном языке“ Летелье.

В—означает наречие, а — утверждение, г — нечто абсолютное и в общем В—а—г наречие безусловного утверждения, т. е.—да. Эти системы представляют из себя целый ряд ребусов. Даже их авторы неизбежно ломали себе шею на своих собственных неудобопонимаемых премудростях. Труд Дальгарно был переиздан в 1834 г. Глазговским ученым обществом.

Одновременно с проектом Дальгарно, в 1661 г. д-р И. И. Бехер из Франкфурта, предложил просто перенумеровать все слова словарей и эти числа употреблять как общий язык. Свои идеи с некоторыми изменениями Бехер повторяет в своей книге 1664 года. Его латинская книга была переиздана на английском и немецком языках.

В 1663 г. некто И. Воссюс предлагает для всемирного пользования систему жестикюляции вроде современных азбук глухонемых. Но, не говоря о неосуществимости последних трех проектов, приходится сказать, что идея всеобщего письма — пазиграфии, благодаря протекции Лейбница, преимущественно засела в головах современников. Поэтому на про-

эпты Бехера, Дальгарно и Воссюса особого внимания не обратили. Системы пазиграфии появляются: в 1663 г. некого англичанина маркиза Ворчестера, в 1665 г. Анастасия Кирхнера; в 1667 г. П. Пореле.

В 1668 году, английский епископ Вилькинс, издает свою грандиозную и стройную систему пазиграфии, из которой впоследствии формирует философский язык. Идеи и понятия у Вилькинса подразделялись на классы, сгруппированные в виды, от общих элементарных понятий приходили к частным и второстепенным.

Затем следует целый ряд ученых: Я. Стурмиус (1676) И. Упердорф (1680), А. Мюллер (1681), иезуит Безье, де Бермонвиль в Париже (1687), С. Гартлиб и Ф. Лабе (1684), К. Лобкович (1687) с их неуспешными попытками создать „универсальное письмо“. Помимо того, специальные труды, посвященные вопросу о всеобщем языке, появляются во Франции и Англии. Несколько ученых, разрабатывающих тайнописи и шифры, сталкиваются с вопросом о всеобщем, универсальном письме. Идея всеобщего языка начинает выходить на большую дорогу.

III. XVIII. век и проекты этого времени.

Различие языков—одно из наибольших несчастий бытия.

Вольтер

XVII век в лице лучших представителей бросил человечеству новые идеи и лозунги, поставил перед человечеством новые, более широкие, более ясные цели. XVIII. век, естественный преемник как достоинств, так и грехов предыдущего, развил и уточнил идеи и лозунги своего предшественника. XVIII век, ознаменовавшийся расцветом рационализма и раскрытием новых мировых истин блестяще завершился мировой французской революцией и провозглашенными ею общечеловеческими идеалами. Также и в области идеи общечеловеческого языка XVIII век не оказался пустым местом.

Направленные еще в предыдущем по неверному пути искания — с тем-же усердием и с тем-же рвением продолжались.

Ряд любителей дилетантов, ряд ученых посвящают свои труды столь чарующе заманчивой мысли всемирного единоязычия. Не одно только громкое имя блестящей плеяды энциклопедистов находим мы в списках этих пионеров великой идеи. Идея всеобщего языка, бывшая в истекшем достоянием лишь нескольких центральных европейских народов начинает завоевывать сторонников и в других странах.

В 1715 году в первый раз в Италии Людовик Рикери выступает с системой пазиграфии.

1734 год ознаменовался своеобразным проектом неизвестного автора, выступившего под псевдонимом „Карпофорофилюса“, который в отличие от всех предшествовавших ему проектов пазиграфии и философских систем, создал схему искусственного языка, весьма близкую и родственную по своим формам к тому, что мы ныне принимаем за лучшее и простейшее разрешение вопроса.

Эта система чисто апостериорное изобретение, но его скоро забыли; находя его дико-сумбурным упрощением и искажением латыни; забыли, чтобы вновь отдаться миражу пазиграфий и в лучшем случае философских систем.

В 1736 г. Д. Сольбриг выпускает на немецком языке проект цифровой пазиграфии, где знаки и письмена заменялись разными комбинациями чисел.

В 1755 году эскиз философского языка подносит некто Виль из Алтоны.

Известный французский геометр Мопертюи в III томе своих трудов, изданном в 1756 г. в Лионе намечает систему синтетической грамматики и языка.

Михаэлис в 1762 и 1769 г., на французском и английском языке, Ламберт в 1764 г. на немецком, Н. Чемберлен в 1769 г. на английском, привлекают внимание общества к вопросу о всеобщем языке. Первый из них даже выставляет эскиз своего априорного языка.

Один из первых пионеров энциклопедизма — Фегье, в энциклопедии Дидро и д'Аламбера в 1756 г. выставляет свой проект философского языка. Англичанин Джонс в 1769 г. предлагает подобную-же философскую систему. В

1771 г. в новой книге он продолжает развивать свои идеи. Франческо Соавэ (в 1772 г.) предлагает свой, подобный предыдущим проект. Под инициалами П. С. в 1816 г. (Милан) престарелый иезуит Соавэ вновь возвращается к своему проекту. В 1772 г. Кальмар де Тоболтзофе в своем проекте свел сумму всех человеческих понятий всего к 500 основным знакам, но и эта система была слишком трудна. Известный ученый Кондорсэ в 1774 г. посвящает брошюру вопросу о философской системе языка.

Шанжэ (1773 г.) и Копино (1774 г.) в изданиях энциклопедистов затрагивают этот же вопрос о всеобщем языке.

Х. Р. Бергер в 1777 г. в Берлине опубликовал свой план философского словесного и письменного языка. Некто Г. Буш, в это же время, посвящает целую статью в „Ежегоднике Науки“—вопросу об успехах и достоинствах пазиграфии. Энциклопедист Кондильяк, в 1780 г. в своем „Искусстве мыслить“ предлагает стройную схему логического априорного языка. К этому же вопросу он возвращается уже во время французской революции в 1798 г. в книге „Язык счетов“. Во всех крупнейших трудах и словарях французских мыслителей этой дореволюционной эпохи, мы находим наряду с выражением наилучших идеалов того времени—мысль о всеобщем языке. Она встречается у Вольтера, Монтескье, Кондильяка, Бюрнуфа, Вольея и даже англичанина-экономиста Лока. Бозэ, в 1787 г. посвящает большую статью всеобщему языку в „Грамматическом и Литературном Словаре“. Систему пазиграфии в 1780 г. издает в Лондоне некий Фрей.

Мощные аккорды французской революции, зародившие в сердцах лучших людей того времени мечту о всемирном слиянии человечества, создают ряд новых поборников идеи общечеловеческого языка.

Юный восемнадцатилетний Ампер, великий физик в будущем, в 1793 г. создает философскую систему языка и даже пишет несколько стихотворений на „своем“ языке. Этот труд никогда напечатан не был.

В 1795 г.—III году французской революции гражданин Делормель представляет Национальному Конвенту проект всемирного языка. Конвент на заседании 26 Брюмера III г. (16-XI-1794), обсудив вопрос о представленном проекте, „преклоняясь перед величием этой идеи“ признает, что она

разрешима лишь при участии остальных наций“ и до того времени отсылает проект Делормеля в Комиссию Наук и Искусств. Проект Делормеля так и утонул в этой комиссии. Грозные волны прибое мировой реакции в это время как раз подходили к стенам Парижа: героический революционный народ был вынужден бросить культурные свои начинания, чтобы в борьбе за свое существование крепче схватиться за оружие.

Но, тем не менее, вновь в 1797 г. Мэмье в своей системе пазиграфии возвращается к идее проекта Бехера, основанной на числовом языке.

13 нивоза 7-го года (2-I-1798) в Совете Старейшин рассматривались петиция и проект некоего Ж. Сюре, посвященные системе пазиграфии — универсального письма. Гара, бывший министр юстиции Конвента—в своей речи приветствует проект и идеи Сюре. Совет Старейшин постановил речь Гара напечатать отдельным оттиском. К сожалению, кроме отчета об этом собрании в „Журналь де Деба“—никаких больше следов этой попытке не оставила.

В том же году Мэмье издает сравнительную таблицу известных ему пазиграфий. Де-Герандо дает характеристику идеи всеобщего языка в своем труде „Об искусстве мыслить“ (1799 г.). Наиболее успешным проектом этого периода приходится считать пазиграфию известного учителя глухо-немых Сикарда (1797 г.), идеи которого еще раз воскресли в анонимной статье, изданной в 1811 году Парижским Институтом Глухонемых. Приближаясь к Вилькинсу по методу построения, он стремился уменьшить число основных знаков, но тут встретились вовсе непредусмотренные затруднения. В Германии появляется в это время ряд пазиграфий: Мората (1797 г.) в Альтоне и Париже, Гротенфельда (1799 г.) в Геттингене, М. Фатера (1799 и 1801 г.) в Вайсенфельде и Галле. В это время идея всеобщего языка проникает и в Россию. „Представительница просвещенного абсолютизма“, Екатерина II, ссылая Радищева и вводя крепостничество на юге России, продолжала интересоваться прогрессивными веяниями запада и по ее повелению создается при Академии Наук комиссия, которой поручается изучение языков, с целью выработки единого всемирного языка. Реальных результатов работа Комиссии не дала, лишь один из ее членов известный

лингвист, профессор Петербургского Университета Вольке, в 1797 году опубликовал свой проект общего письменного языка. По его проекту для каждого языка требовался особый словарь, который должен был заключать в себе каждое слово, со всеми образуемыми от него грамматическими формами. Чтобы сноситься с иностранцами, нужно было вместо каждого слова отмечать страницу словаря и № под которым это слово находится в словаре получателя; тогда, всякий, желающий прочесть написанное, должен был искать в словаре своего языка страницу и число, соответствующее данному слову. Но не мыслимо было разнести все слова в словарях разных языков на одних и тех-же страницах, под одним и тем-же №. Поэтому, в каждом словаре должны были находиться числа, соответствующие тому, или другому слову в словарях других народов; а тогда при наличии даже всего 16-ти национальных словарей, пришлось бы в каждой грамматической форме слова для указаний прибавлять около 130 цифр и литер. Это было-бы совершенно неудобноисполнимым. Этим заканчивается довольно уже длинный, по сравнению с XVII веком ряд проектов искусственного всеобщего языка в XVIII столетии. Идея всеобщего языка уже делается общепризнанной. Полностью выявились основные формы его возможного создания: 1) пазиграфическая, 2) априорно-философская и 3) даже апостериорно-опытная.

В дальнейшем XIX веку следовало только выбрать наиболее совершенный и практичный путь и смело пойти по нему. И поборники всеобщего языка в XIX столетии непременно это сделали.

IV. Проекты периода 1800-1880 г.

Для чего же и существует наука
о языке, как, если не для того,
чтобы создать всеобщий язык.

Нитше.

Идея всеобщего языка продолжала находить все большее количество сторонников.

Исчислявшиеся к началу XIX века уже десятками неудачные забракованные практикой проекты искусственных язы-

ков только усиливали стремление добиться успеха со стороны искателей и изобретателей.

Идеей всеобщего языка начинает интересоваться официальная наука. Отчеты и доклады о всеобщем языке со стороны ученых делаются все чаще и чаще. Они настолько часты, что в дальнейшем из них мы сможем упоминать лишь более крупные и важные.

23-го сентября 1801 года в докладах Института Франции М. Бюта помещает эскиз своей, родственной проекту Мемье и Бехера, системы идеографии. М. Шамбри совершенствует последнюю систему и Парижское Кельтийское Общество награждает в 1805 году его медалью за его словарь на шести языках, в котором слова обозначались цифрами. В том же году Гурвиц в Париже издает учебник „Полиграфии“—сходной во всем с принципами пазиграфии. Проект Нетера в 1805 году пытается возродить древнюю систему иероглифов—но скоро исчезает в забвении, подобно своим предшественникам. Затем появляются последовательно: Пазиграфия А. Геца из Вены (1805 год), музыкальный всеязык де-Вазма (Париж 1806 г.); программа пазиграфии Бурмана (Мангейм 1807 г.); труды по пазиграфии на немецком и латинском И. Шмидта (Диллинген 1807 г.); система разговорного философского языка „Пазилалии“ А. Бурья (Берлин 1808 г.) и наконец книга Ф. Нитгаммера о „Пазиграфии и Идеографии“ (Нюрнберг 1808 г.). Нитгаммер полагал, что всеобщий язык не должен быть только письменным, но и звуковым, основываясь на том, что таковой при известных условиях гораздо легче изучить.

В 1809 г. в Германии появляется проект пазиграфии А. Рима и Краткий Обзор Пазиграфических опытов некоего Штейна. К первому же десятилетию XIX века должно отнести анонимный английский опыт пазиграфии, опубликованный Банге. Заинтересованная попытками осуществления всечеловеческого письма и следуя по забытому пути Русской Академии—Копенгагенская Академия Наук в 1811 году назначила премию за самый легкий и легко осуществимый проект всемирной пазиграфии. Вследствие основной ошибки всех пазиграфистов, заранее лишивших живого человека живой речи эта премия никогда не нашла достойного лауреата.

Точную схему философского языка предлагает в 1815 г. Розенгейм (Кенигсберг); система пазиграфии создается в 1815 г. итальянцем Магацини. Ключ всеобщего языка издает в Бреславле некто Линдау, (1817 г.)

В 1817 г. появляются первые труды известного Сюдра, автора и апостола созданного им музыкального языка «Сольресоль». В течении 40 с лишком лет вырабатывались самым тщательным образом теория, грамматика и словари языка Сюдра. Лишь в 1868 г. появилось в Париже полное его издание. В основу языка были положены 7 основных музыкальных нот. Из этих нот, представляющих слоги языка, составлялись слова языка, грамматические флексии и наконец целые фразы. Других слогов и звуков, помимо нот в языке не было. Типичный пример фразы из Сольресоля — «фами-фаре фа-си» — доброе утро. На этом языке можно было писать, говорить, можно было играть его на любом инструменте. Для глухонемых была изобретена особая система 7 положений руки, дающих азбуку глухонемых языка соль-ресоль. Наконец 7 основных цветов, приравненных к соответственным музыкальным нотам, давали возможность цветной на нем сигнализация.

Сюдр обездил в течении полустолетия всю Францию и Англию, пропагандируя свой язык. Французский Генеральный Штаб и Командование Флота рекомендовали введение, а частично даже ввели изучение сигнальных и световых сочетаний Сольресоля во французские армии и флот.

Сам Сюдр был представлен ко двору Наполеона III, Французская Академия Наук определила ему 50.000 франков премии, кстати никогда им не полученных.

После смерти Сюдра, его жена продолжала дело мужа; она основала в Париже Общество пропаганды Сольресоля. В 1886 г. еще появился учебник Сольресоля; а сын личного секретаря Сюдра Болеслав Гаевский еще в 1902 г. выпустил грамматику музыкального языка.

Несмотря на все это, практического значения и распространения этот язык никакого не получил.

Помимо огромных преимуществ по сравнению с пазиграфиями и философскими языками — ряд природных недостатков не дал восторжествовать принципам Сольресоля. Он все-же был не легче, а даже труднее любого из националь-

ных языков. Он был чужд им по духу и строению. Его надо было изучать совершенно заново. Будучи по своим притязаниям всемирным, он не был международным — в том смысле, как мы это понимаем. И он исчез, несмотря на симпатии в нем у военного командования Франции, несмотря на Наполеон III и Академию Безсмертных Франции.

Затем, интересные идеи в области всеобщего языка обнародовал в 1825 г. А. Штейн в Вене.

Джузеппе Матрая в 1831 г. издает учебник на языках латинском, итальянском, французском, португальском, английском и немецком новой системы универсального письма. „Итальянской Гениграфии“ как он ее рекомендует.

Ш. Нодье, в 1834 г. в „Парижском Бюллетене Библиофилов“ дает великолепный трактат, посвященный ряду искусственных языков; подобные трактаты о всеобщем языке, не посвященные какой либо отдельной системе, делаются все чаще и в 1842 г. в „Американском Институте Просвещения“ в Бостоне, впервые вне Европы, появляется статья С. Гоу о всеобщем языке. Затем появляются во Франции проекты философского языка Ле-Заля в 1834 г., Гросслена в 1836 г., анонимный Парижский проект 1837 г. и Дениса де Л. П. в 1838 г. (Париж).

В 1839 г. в Лейпциге и Висбадене на немецком и английском языке появляются учебники нового „коммуникационного“ языка. Автор И. Шипфер создал второй по порядку и первый после Карпорофилюса (1734 г.) проект апостериорного, отличного от всех современных ему, искусственного языка.

Основой языка служили латинские формы и корни латинского лексикона с упрощенной грамматикой. По своей сущности язык этот весьма близок современным проектам и поэтому был несравненно доступнее, легче для изучения всех остальных пазиграфических, априорных и смешанных (типа Сольресоля) проектов. Но, очевидно, те же причины которые не дали развиться проекту Карпорофилюса, те же причины заглушили и проект Шипфера и дали временно над ним торжество идеям пазиграфии и априорных систем.

Затем следовали проекты пазиграфии А. Рэнзи (Париж 1840 г.) цифровой системы „Фонаритмон“ — В. Генслоу (Лондон 1840 г.), априорной системы „Орбидайэ“ Базена

(Лион 1844 г.), априорного детально разработанного проекта Видаля (в 1844 г. появился учебник в 414 стр.) (Париж 1844—45 гг.) и априорной „Пазиграфии“ Э. Грэвса (Дублин 1846 г.)

1845 год ознаменовался появлением в Испании Универсальной и Философской системы языка — „Сотос-Окандо“. Официальное положение патера Окандо, который был бывшим воспитателем королевского дома, детальная разработка проекта — дали ему некоторое практическое распространение. Первый искусственный язык по времени, язык Сотос-Окандо, за время с 1862—1863 г. развил реальную пропаганду, дал 6 учебников и книг ему посвященных на испанском языке и 3 перевода с этих книг на французский язык. Парижский журнал „Трибуна Лингвиста“ в 1859 г. поместил весьма сочувственные об этом языке отзывы.

В 1861—62 гг. образовавшееся Общество Всемирного Языка выпускало под редакцией Лопэ Диксберта свой „Бюллетень“, но затем движение начало падать. Ряд равноценных проектов отвлекло внимание от этого испанского изобретения и в 1885 г., через 20 лет, полного отсутствия признаков жизни, Виноварде и Доминэк выпускает в Мадриде „Комментарии языка Сотос-Окандо“. Это было последнее, что дал труд Испанского Патера.

Небезизвестный ученый Шарма в 1846 г. в своем труде „О сущности языка“ посвящает крупную главу проектам искусственного языка. В 1847 г. Джемс Бредшоу в Лондоне предлагает в качестве всеобщего языка — упрощенный английский язык. Это первый проект упрощения одного из современных языков, с целью сделать его всеобщим, международным. Отдавая должное тому, что подобные системы безусловно выше всех проектов априорных, не говоря уже о пазиграфических, все-таки мы должны отметить, что, обоякая их международность, с перевесом в сторону к. л. языка, никогда не давала им возможности завоевать себе популярность в других странах и соответственно осуществить свою претензию на всемирный язык. Ученый языковед Летелье в 1852 г. начинает серию своих изданий посвященных собственному, детально разработанному проекту философской системы международного условного языка. Это первый автор, допустивший в названии своего языка слово „международный“.

В целом ряде толстых томов изданных в Каене, вплоть до 1886 г., автор продолжает развивать свою систему. Полный учебник языка в 4-х томах, содержал в себе 1984 страницы. Очевидно, что этот „международный“ язык своею сложностью и трудностью превосходил все народные. Мало нашлось смельчаков изучать такую громоздкую систему. И после смерти автора проект Летелье затерялся среди ему подобных, не смотря на толстые фолианты и ученые наследования ему посвященные.

Д-р Лихтенштейн, в 1853 г. издает в Бреславле трактат о пазилогии — разговорной системе философского языка. Под инициалами Д-р Л., по всей вероятности он-же, в том-же году в Берлине развивает новый проект всемирного упрощенного немецкого языка.

В том-же 1853 г. Рамбоссон в Париже, развивает проект универсальной системы языка — жестов и письма. В 1855 г. он же выступил в Парижском Обществе Наук и Искусств с обоснованным докладом, почему всеобщий язык не может быть, по его мнению, разговорным.

Достопримечательностью этого времени является то, что в 1856 г. Французское Лингвистическое Общество заслушав доклад Ш. Ренувье о всеобщем языке, выбрало Комитет, которому поручило разработать проект априорного универсального языка. Первый доклад Комитету Общества о всеобщем языке был сделан Ренувье 3-го Июля 1856 г.

Для разрешения вопроса о всеобщем языке Лингвистическим Обществом были разосланы приглашения большинству ученых обществ и организаций Европы. Но получен был только один ответ. Очевидно такая инертность загубила проявленную инициативу и статьи Генрики в „Трибуне Лингвиста“ 1858 г., заключавшие сводный доклад Комитета, явились последним аккордом этого начинания.

После этого Эдмонде в 1856 г. в Лондоне издает эскиз универсального алфавита и грамматики языка, основанного на классификации идей. Априорные проекты издаются: примитивного общего языка в 1858 г. Л. де-Рудэлем в Париже и априорно-упрощенного языка Г. Нарра.

Система пазиграфии появляется в 1857 г. — Дрожа „первоначальный алфавит идей всех языков мира“. Затем, в 1859—60 г. выходит „Габленсография“ барона Габленца, превращае-

мая и в Габленсолалию, т. е. в разговорный язык. Его изобретение показывает понимание духа лингвистики, но тем не менее, он, при создавании словаря и грамматики выдумывал все правила, все слова заново. Поэтому слишком уж головоломно изучение Габленсографии, не увековечившей своими успехами имя автора, как ему этого, очевидно, хотелось.

Затем, в 1859 г. М. Пец из Землина издает свою цифровую пазиграфию, и, вместе с тем систему звукового языка. В его системе применялись исключительно числа. Числа от 1 до 999 обозначали все грамматические формы, а числа выше 1000—все пазиграфические знаки идей и понятий.

Обобщаемые понятия соединялись знаками сложения или вычитания, напр. 3243—означало „куплю покупку“, 3243+10—покупатель, 3243+101—покупатели и т. д. Из своей пазиграфии М. Пец формирует разговорный язык тем, что вместо цифр ставит буквы, а вместо соединительных знаков т. или п. напр. 3243+10—покупатель—фегиманос 3243+20—покупательница—фагимэнос и т. п. Являясь довольно легкой по конструкции самой грамматики эта система однако обладала, подобно другим сходным, огромным недостатком в виде однообразия и трудной запоминаемости слов.

К этому приблизительно времени относится пазиграфия системы Сундерваля. В 1850 г. русский дипломат и ученый И. Гримм намечает принципы всеобщего разговорного языка с крайне простой грамматикой и схематическим произвольным словарем. Это собственно первый эскиз так называемых систем микст, эффектным представителем коих явился небезизвестный Волапюк.

В 1862 г. ряд статей, посвященных вопросам о Международном языке появился в Америке в Нью-Йоркском журнале „Континенталь-Монтл“. В этом же 1862 г. Стефан Ивицевич в Вене издает свою систему Панграфии, де-Лотур издает в Париже грамматику априорного аналитического языка.

Синибальдо-де-Мас, видный испанский ученый и дипломат своего времени в 1863 г. в Париже представляет на суд науки свою систему идеально стройной пазиграфии из 2600 фигур, составленных по образцу музыкальных нот. Дальнейшего развития однако и эта система не имеет. Практическое применение системы свелось к передаче на нее автором первых 150 стихов „Энеиды“. Молодой, только что

делающийся известным, английский ученый и филолог Макс Мюллер, в Оксфорде, в своих „Новых Уроках Языковедения“ в 1864 г. посвящает искусственному языку весьма сочувственные и проникновенные страницы. Д-р А. Вильд передает в том же 1864 г. на страницах „Хроники Современности“ весьма подробную историю пазиграфических систем.

В 1865 г. Ф. Жульен, в Париже выступает с предложением всеобщей световой сигнализации маяков, которая вскоре, в несколько измененном виде и в ограниченном масштабе, действительно становится основой одного из современных способов международного взаимопонимания — системы международных маячных сигнальных знаков.

Затем И. Ру, в 1865 г. издает свою пазиграфию, А. Комон в 1867 г. со своим проектом следует по его стопам, Пирро в 1868 г. публикует свой учебник Универсального языка на немецком, французском и английском языках.

Выработанный еще в 1852 г. проект пазиграфии А. Бахмайра в это время завоевывает некоторый успех. Бахмайр основал свою систему на 10 цифровых знаках, которые известны всему миру, но которые пишутся или как у европейцев, слева направо, или как у магометан справа налево, или как у китайцев сверху вниз; поэтому они легко доступны при письме, телеграфировании и печатании. Бахмайр выражал каждое понятие числом; определенный член он не употребляет, неопределенным же служит цифра 1; множественное число он обозначал подчеркиванием числа—идеи, степени сравнения обозначались одной, или двумя точками, поставленными над числом—идеи. Глагол употребляется только в неопределенном наклонении; будущее время обозначалось чертой, проведенной над числом, прошедшее перечеркиванием числа идеи и т. д. Для проведения этой чрезвычайно легкой системы пазиграфии в жизнь, в Мюнхане образовалось „Центральное Общество Пазиграфистов“. В нем приняли участие такие первоклассные ученые, как владеющий 34 языками проф. Рихтер, известный египтолог Лаут, д-р Вильд и др. Габленц, Синибальдо-де-Мас, М. Пец были почетными членами О-ва. Предполагался всемирный конгресс пазиграфии в Париже. Основные словари новой пазиграфии, начали готовить к печатанию на 18 языках, но не достало денег и предприятие Бахмайра рухнуло раньше достижения полной

своей законченности. Учебники вышли лишь на французском, немецком и английском языках. Это был апогей расцвета идеи пазиграфических принципов. В гибели же дела, кроме отсутствия денег, была виновна и другая причина. Без сомнения, как ни превосходен был проект Бахмайра, тем не менее, приспособленный только к письменным сношениям, он никогда не мог стать действительно всеобщим международным средством сношений. Узость стоящей перед пазиграфией цели, не могла дать успеха в общечеловеческом масштабе.

В 1871 г. во Франции печатается принятый ныне повсеместно „Морской Сигнальный Код“, содержащий в своих разноцветных сигнализациях самую настоящую и вполне к месту приспособленную систему пазиграфии, если ее рассматривать как не разговорный способ взаимопонимания. Подобные сигнализационные коды появлялись еще раньше в Англии (первый в 1818—20 г.), но лишь код 1871 г. был действительно общепринят всеми Морскими Державами.

За французским изданием Кода, вышли издания на других языках и вскоре на каждом судне имелся уже словарь „Всеобщего Морского языка“. Это первое по времени, во всемирном масштабе разрешение, хотя и частично вопроса о всеобщем связующем языке.

К. Стюарт в 1874 г. издает учебник цифрового языка; И. Дьер в 1875 г. предлагает свой априорный проект „Лингвалюмина“, или язык света. В 1889 г. эта книжка выпускается автором II-м изданием. Серторио в 1876 г. печатает философскую систему всеобщей грамматики, в 1888 г. этот же автор в тощей брошюре вновь возвращается к своему проекту. В 1875 г. д-р Дамм в Лейпциге печатает практическую пазиграфию. В Копенгагене издается через год этот же проект на датском языке. Это первый случай проявления идеи всеобщего языка в одном из языков малых народностей. В 1877 г. Рейман, в известном „Словаре Ляруза“ представляет схему международного этимологического языка. А. Вальтер в 1880 г. издает последнюю до Волапюка систему цифрового языка.

Кроме перечисленных изобретателей и авторов, целый ряд других, не перечисленных нами лиц, подчас видных деятелей в какой либо отрасли, за этот период выступали на поддержку идеи всеобщего языка. Эрнест Ренан, Анри

Пуанкаре, Шопенгауер, Ницше в своих произведениях предвидели возможность искусственного всеобщего языка и предсказывали ему блестящее, полное успеха будущее. И, действительно, из области мечтаний, смутных попыток, из области тщетных обращений к широким слоям общества—идея искусственного языка, впервые выносятся на широкую арену мирового бытия.

Язык „Волапюк“ наносит первую брешь стене неверия и игнорирования, которой отгородились от идеи всеобщего языка.

Практическое испытание, даже при всех несовершенствах испытываемой системы было за нее; этот опыт показывал, что искусственный язык и мыслим и возможен.

V. Волапюк.

Единому человечеству единый язык.

Шлейер.

Пятидесятилетний Католический Прелат Шлейер, совершенно незнакомый с уже имеющимися попытками создания искусственного всеобщего языка, в глухой баварской деревушке, в семидесятих годах прошлого столетия слышит жалобу своего соседа на то, что письмо, адресованное его сыну в Америку, вернулось обратно за непонятностью адреса. Причиной было неумелая надпись английского адреса рукой немецкого крестьянина. И в голову священника приходит мысль о создании всеобщего письменного языка. Характерно, что первая идея, зародившаяся в мозгу нового в области искусственного языка человека—идея пазиграфии. Сперва он решает составить свою систему письменного языка из основных европейских языков: немецкого, английского, итальянского, испанского и русского; как раз из тех, которые потом делаются основой всех дальнейших экспериментов в области международных языков.

И предварительно, в начале 1878 г. он создает „всемирный алфавит“, пригодный для транскрипции всех звуков на всех языках. Этот курьезный алфавит встречается с некоторым вниманием в кругах специалистов и любителей. И

этого достаточно для того, чтобы подтвердить в мыслях Шлейера уверенность в необходимости и возможности всеобщего языка.

В экзальтированном, воспитанном на сухо-догматических основах католицизма, патере, начинает зарождаться мысль: не он ли призван и предназначен для утверждения на свете нового всеобщего языка. И в течение одной бессонной весенней ночи откровение снисходит на него. Он чувствует себя призванным творить общечеловеческое дело. Экспансивная фантастическая натура католического прелата берет верх над логическим мышлением и, тут-же ночью, наскоро набрасывается канва грамматики. Утром продолжается работа, и 31-ое марта 1879 г. приходится считать днем рождения Волапюка. Забыта мысль о создании всеобщего языка из основ современных. Словарь подгоняется по своей структуре к искусственной тяжеловесной грамматике. Ведь это и понятно. Если в ночь на 31-ое марта откровение с небес предначертало путь Шлейера, то оно же и дало те основы языка, которые Шлейер тогда-же написал.

Во католическом церковном журнале „Арфа Сиона“ издающемся Шлейером, начинают появляться заметки о всемирном языке. Не считаясь ни с чем, Шлейер торопится со своей работой. Десятки лет некоторые изобретатели трудились над шлифовкой и обработкой своих систем, Шлейер же в мае 1879 г. уже выпускает отдельным приложением к „Арфе Сиона“ эскиз грамматики всемирного языка.

Об языке Шлейера сразу-же появились заметки в периодической прессе. Любители вопроса интересуются проектом и, приходится признать, находят его детально и обстоятельно, по сравнению в большинством предыдущих систем, разработанным. И, действительно, свой огромный опыт языковеда, Шлейер (а он знал до 40 языков) быть может совершенно бессознательно, использовал при разработке своей системы.

Г. Банфи (Бауер), из Капувар—Венгрии, составивший свой собственный проект искусственного языка, находит Волапюк во всех отношениях совершенным и всецело примыкает к нему. За ним следует ряд других лиц, находящихся в языке Шлейера стройную систему, способную развиваться, и в лице своего создателя имеющую вдохновенного борца за

свое торжество. Друзья Волапюка к концу 1879 г. имеются кроме Германии уже в Австро-Венгрии, Америке и. т. д. В 1880 г. появился на немецком языке первый учебник языка, имеющий на первой странице следующий горделивый девиз: „Единому Человечеству—единый язык“

К этому времени формы возможного искусственного всеобщего языка выяснилась уже настолько, что большинство деятелей в этой области, признавая возможность международного вспомогательного языка, начинали отвергать пришествие такового под флагом „единого, всемирного“.

Шлейер в области всеобщего языка был сам прозелит. Он не был знаком со всем вековым опытом, бывшим перед ним. И, поэтому, даже через 10 лет, когда большинство Волапюкистов торжественно именовало свой язык международным языком торговли и практических сношений, Шлейер все еще стоял на точке зрения своего „Единому—Единый“.

И тем не менее, новость дела, солидная его постановка, связи Шлейера в церковном и литературно-газетном мирах—дают почву, для успешной агитации в пользу Всемирного языка.

Число друзей языка увеличивается; „Арфа Сиона“ уже не может обслуживать интересы Волапюка, и в 1881 г. Шлейер приступает к изданию „Волапюкского листка“, находящего сразу-же широкое распространение.

Шлейер типичнейшей клирик католической централистской церкви. Только что зародившееся движение в пользу его языка, его Волапюка, он предусмотрительно опутывает тонкими, по цепким сетям. Он „создатель“, ему одному принадлежит контроль и верховодство всеобщего и всемирного движения.

Он создает своих агентов, выдавая им дипломы и полномочия. Временно он ограничивается дипломами учителей-профессоров, но вскоре председатели волапюкистских организаций, все выборные должности скромного волапюкистского мирка должны предварительно утверждаться и одобряться „создателем“ Волапюка.

В 1882 г. 11 мая в вюртембергской деревушке „Альбервейлер“ создается первое общество волапюкистов; тогда-же впервые всеобщий язык в лице „Волапюка“ проникает в Швецию и там тоже организуется волапюкистское общество.

Волапюкистов стало больше и Шлейер создает институт назначаемых им руководителей волапюкизма во всех странах и даже в отдельных провинциях и городах.

Свободолюбивое, культурное общечеловеческое начинание, благодаря узкому духу полу-иезуита Шлейера, в XIX веке становится на положение какого-то сумасбродного рыцарствующего ордена.

12 сентября 1882 г. в Вюртемберге устраивается первый съезд окрестных адептов всеобщего языка волапюкистов. Около 70 участников собрания воодушевленно встречают появление своего „создателя и повелителя“ Шлейера. Число дипломированных преподавателей и обществ непрерывно увеличивается. Появляются толстые словари Волапюка. Дело выходит на все более и более широкую дорогу. Шлейер все более уверяется в божественности своего призвания. Любопытен следующий эпизод. Удрученный Шлейер, однажды во время посещения его известным волапюкистом „чудотворцем-лекарем“ Р. Книле, жаловался последнему на плохое к нему со стороны некоторых лиц отношение. Книле заметил, что собственно говоря, пора в Волапюк ввести слово „зависть“; и вот Шлейер на это заявляет: „я не знаю желает ли Бог, чтобы мы имели такое слово: я его не создал, создайте Вы его сами“. И таким образом, ночью 24 февраля 1884 года появилось мрачное слово „глэт“—заканчивает свой рассказ об этом событии Р. Книле.

26-27 августа 1884 г. в Фридрихсгафене созывается первый всеобщий съезд волапюкистов. В соответствии с преимущественным распространением Волапюка в Германии, большинство участников съезда были немцы. Прения и выступления тоже велись на немецком языке. Любопытно отметить, что на Съезде проявились и авторы конкурирующих проектов. Штейнер с Пазилингвой, С. Пьер со своим проектом и, наконец, Барановский из Харькова со своим проектом Идеографии. Шлейер предпринимает целый ряд путешествий по Германии с докладами о своем языке. Начиная выходить учебники, журналы, посвященные Волапюку на других языках. Особенно преуспевает Волапюк в Голландии.

Во Франции в 1886 г. профессор Парижской Высшей Коммерческой школы А. Керкгофс, деятельно содействует успеху Волапюка, открывает курсы Волапюка в некоторых

высших учебных заведениях Парижа, приступает к изданию солидного французского волапюкистского журнала и, наконец, организует французское общество пропаганды Волапюка.

Курсы Волапюка открываются во всех почти крупных городах Европы.

Волапюк делается уже предметом наживы дельцов. Шампанское—Волапюк, кружки, лампы, шляпы, сигары, ликеры и булавки—все это выпускается предприимчивыми коммерсантами под маркой пропаганды Волапюка. К концу 1886 г. число дипломированных преподавателей уже достигает 328; к Волапюку примыкают ученые с такими именами, как известный Альфред Кирхгоф и Т. Винклер. Макс Мюллер заявляет, что в проекте Волапюка нет ничего сверх-естественного. Даже „патентованный истребитель армий и людей“ бездушный Мольтке высказывает свои симпатии Волапюку. В течение одного 1887 г. появляются 8 новых волапюкистских журналов. Мощный поток долго сдерживаемой потребности всеобщего языка пробился наружу—и прелат Шлейер еле-еле успевает по своему „регулировать“ и „приводить в должный вид“ вызванное им-же движение.

В 1887 г. с 6 по 9 августа в Мюнхене созывается II Всемирный съезд волапюкистов. Участников значительно больше и они более разнородны, чем на конгрессе 1884 г. Трудности словаря, трудности словопроизношения приводят к тому, что опять-таки большинство речей следует на немецком языке.

После уже произведенного длительного опыта, волапюкистам становятся ясны основные недостатки их движения. Трудность изучения, своеобразные буквы Волапюка, полный произвол в составлении словаря, и пр.—с одной стороны и фанатичное единоначалие и упрямство Шлейера с другой, были теми явлениями, которые больше всего, по мнению лучших волапюкистов, грозили делу Волапюка. И на съезде 1887 г. для направления дел языкового строения, избирается Академия языка. Председателем Академии остается Шлейер, но истинным руководителем является директор ее—Проф. Керкгофс. На конгрессе-же постановлено было, по настоящему образцу конституционных и полу-конституционных монархий,—присвоить „Создателю“ Шлейеру только право утверждения уже избранных всеобщим голосованием председателей и руководителей волапюкистского движения. С целью ослабить противодействие со стороны Шлейера, конгресс

постановил, под видом облегчения его волапюкистской деятельности—производить процентные отчисления от доходов волапюкистских организаций в пользу автора Волапюка и существующего при нем в Констанце центрального Волапюк-бюро. Торжественно встреченный Шлейер, которому были оказаны со стороны участников почти царские почести, согласился со всем,—оговорив однако свои преимущественные права пользования и распоряжения Волапюком. Но сразу-же после съезда в волапюкистском мире начались, пока еще только внутренние, трения и недоразумения. В 1888 году, после состоявшегося избрания руководителя волапюкистского движения в Германии, Шлейер отверг факт избрания и избранного, весьма заслуженного волапюкиста, председателя Мюнхенского Общества и организатора II конгресса Проф. Шнеппера. Следовал длинный раздор, кончившийся полным разрывом в Мюнхенском волапюкистском обществе. По всей Германии волапюкисты внутри своих организаций, дезорганизованные поступками Шлейера, разделились на два инакомыслящих лагеря.

Одновременно назревавший между Шлейером и академией и реформистами конфликт, тоже не замедлил обостриться.

Керкгофс в своем органе отказался признавать за Шлейером права „вето“, запрета принимаемых академией нововведений и изменений языка. Ввиду этого, ряд сочувствовавших реформам волапюкистов бросают мертвый Волапюк и примыкают к более свежим и гибким проектам. В 1888 г. Нюрнбергское общество целиком присоединяется к международному языку д-ра Эсперанто.

Академия в 1889 г. созывает III конгресс волапюкистов в Париже. Шлейер отказался даже признать этот конгресс. На конгрессе однако участвовало до 200 лучших представителей волапюкизма. Все прения и доклады велись на Волапюке. Это был колоссальный по тому времени опыт удобоприменимости и возможности искусственного языка. И, если в лице Волапюка выдержал этот экзамен принцип возможности искусственного языка, то сам Волапюк еще лишний раз подчеркнул свои недостатки перед этим заинтересованным в нем и пользующимся им разномыслиющим собранием.

Реформы были необходимы. Конгресс в этом вопросе оказался единодушным и уполномочил надлежащим образом

волапюкскую академию. В ответ на это Шлейер в конце концов объявил Парижскую Академию во главе с Керкгофсом распущенной и образовал новую. Он же ввел новую мировую иерархию волапюкистов, где были и сенаторы и правители материков и отдельных стран и городов и, наконец, мельчайших волапюкистских организаций. И вся власть, весь авторитет в среде волапюкистов должны были исходить исключительно и только от самого Шлейера.

Керкгофс-же, следуя предначертаниям конгресса, приступил к выработке реформ.

Волапюкистское движение в это время стояло на высшей степени своего развития. В 1889 году существовало 283 общества и 25 волапюкистских журналов. Свыше 1000 дипломированных учителей было рассеяно по всему земному шару. Учебники Волапюка были изданы на 25 языках. Волапюкских книг, брошюр и пр. всего к этому времени было выпущено 384. Волапюк преподавался в ряде высших школ Европы (Париж, Вена, Бордо, Мадрид, Италия), Сев. и Южн. Америки.

И это, достигшее в короткий срок блестящего состояния, движение лопнуло и покатилося вниз.

Раскол в среде волапюкистов, отсутствие единого центра, невозможность соразмерных улучшений языка, бессмысленный и безцельный абсолютизм Шлейера — все это вместе взятое быстро уничтожило плоды работ предыдущего периода.

Общества начали закрываться одно за другим, журналы прекращали свое издание, горько порицая отсутствие единодушия и тактику Шлейера.

Керкгофс, отчаявшись в успехе дела, в 1892 г. сложил с себя обязанности директора академии, которая избирает своим директором петербургского инженера В. К. Розенбергера, вливающего новую жизнь в деятельность Академии и который, поставив крест над улучшениями в Волапюке, приступает к выработке совершенно новой системы искусственного языка, — нейтрального наречия — „Идиом Нейтраль“, как он был назван.

Шлейер за свои полезные человечеству труды был награжден папой званием личного камерария его святишества. Не смотря на это новое отличие Шлейера, многие волапюкисты, разуверившись в Волапюке, выступают с собственными проектами реформ и целых языков. Шлейер всех этих рен-

готов исключает из числа истинных волапюкистов. И, через 10 лет, к 1900 г. от блестящего волапюкистского движения, осталось по их собственному признанию, лишь 159 переписывающихся на Волапюке лиц.

Шлейер все время вводит „улучшения“ и „исправления“ в свой язык, делая его все более и более искусственным. Некоторые фанатики, вроде люксембургского патера Пинта, следуя его указаниям еще печатают кое-то на „улучшенном“ Волапюке, но читатели, если и имеются, то становятся все малочисленнее и малочисленнее.

В XIX столетии еще были в Голландии и в Штирии (Нижн.-Австрии) кучки седобородых уже мужей, которые продолжая считать себя волапюкистами, изредка подавали слабый признак жизни в двух тощих журналах (один из них на 4-х страницах в месяц, издавался самим Шлейером.)

В 1904 г. Штирийское общество волапюкистов выступает с пропагандной брошюрой в защиту Волапюка, где выставляются все его преимущества перед системами Идиом-Нейтраль и Эсперанто.

Плесенью и ржавчиной несет от этих страниц, где для вящей убедительности перечисляются все книги и журналы на Волапюке, вышедшие за 15-20 лет до этой брошюры.

Это последнее упражнение волапюкистов. Всего-же на Волапюкском языке вышло в разное время 313 учебников на 28 языках 130 изданий исключительно на В-ке, и в разное время 58 журналов.

В 1906 г. Шлейера носещает инж. Розенбергер и видит в последнем полное отсутствие интереса к другим формам всеобщего языка, кроме его собственного. Упорство этого верящего в свое призвание человека было поразительно.

В 1908 г. замирает последний волапюкистский журнал. До 1912 г. продолжает существовать одно, лишенное всякого значения волапюкистское общество.

В 1912 г. 80-летний Шлейер умирает, передав дело руководства оставшимися престарелыми верными агницами своего стада, священнику Слеймеру.

Этот последний открывает памятник—мраморную доску с рельефом и надписью на Волапюке и немецком языке на доме, в котором жил, трудился и умер И. М. Шлейер.

Затеянное Шлейером в самое последнее время издание

нового словаря—было конечно, оставлено без последствий. Инициатор, вдохновитель и, убийца волапюкского движения умер и с ним вместе погибло все, что осталось реального, осязаемого от трудов его жизни.

Погибло все, кроме мраморной доски на доме Шлейера и брошюры Слеймера „о знаменитом католическом изобретателе“ (читай Шлейере), с помощью которой католическая церковь попыталась использовать для своих целей ту известность, коей так или иначе, но все-же Шлейер пользовался. Уровень словесия, к которому принадлежал Шлейер, не дал ему возможности оказаться выше его и самого себя. Благое начинание вследствие неразумного его лишения свободы и самостоятельности погибло, идея международного языка, доверию к ней, был нанесен (казалось) непоправимый удар. И, тем не менее, после этого, по мнению многих, убийственного удара — идея всеобщего языка—после длительной правды летаргии—сумела оправиться, встать на ноги и в лице проекта Эсперанто достигнуть успеха, во много раз превышающего то, что было достигнуто Волапюком. Это одно из лучших доказательств живучести и современности данной идеи.